

Алексей Фирсов.

Кризисная ситуация в банке «Пересвет», который обслуживал значительную часть счетов церковной администрации, вновь подняла волну дискуссий о прозрачности финансовой модели РПЦ. Но есть вызов куда более серьезный – вызов, связанный с кардинальным изменением социальных взаимодействий в XXI веке. Это штука финансовой санацией и прозрачностью не решится. Оценить ее можно с помощью социологического анализа.

Задача социологии не только в том, чтобы считать рейтинги, но и определять тренды. Если смотреть на будущее религиозной жизни с позиций того типа мышления, который формируется сейчас в технологических узлах XXI века, мы увидим, как движется почва под традиционными конфессиями. Меняются не идеи, меняется способ мышления. Уже не получится думать по-старому, в сетках статичных категорий, иерархии понятий и смыслов. На смену доктринальному типу сознания приходит облачный, настроенный на совмещение в одном контуре различных традиций, платформ; этот тип допускает условность любой жесткой концепции внутри динамичного временного потока.

К сожалению, РПЦ чуждается социологии (какие-либо серьезные исследования внутри церкви, по нашим сведениям, не проводились). Данные, которые поставляют светские социологи, могут казаться успокаивающими. Россия по самоидентификации православная страна. Примерно 64% граждан по опросам считают себя православными. Но русский бог туманен и лишен строгой конкретики, понятия «веры» и «церковности» начали расслаиваться еще с середины 1990-х, как бы идеология не стремилась слепить их в один «продукт».

Из всего массива граждан только 5% населения соблюдает то, что можно назвать церковным уставом: регулярно ходит на службы, участвует в таинствах, короче, встроено в церковный ритуальный цикл. Даже эта ядерная аудитория изучена слабо в отношении ее реальных ожиданий, настроений, отношения к

церковной бюрократии, церковным скандалам, иным конфессиям, образу жизни.

Как будто действует психоаналитический принцип вытеснения из поля сознания тревожных фактов. Что такое верующий человек в возрасте 20-30 лет? И еще более важно – каким будет верующий человек через 20-30 лет? Вопрос не имеет ясного ответа, но совершенно точно, что это уже другой тип.

Определяя религиозность по внешним проявлениям, социология допускает значительную условность. Респондент может обладать глубиной веры, но при этом по разным соображениям избегать регулярных церковных служб. И напротив, регулярный участник церковной жизни может быть лишен внутреннего напряжения, характерного для переживания сакральной опыта. Облачное сознание сложно схватить и встроить в единый алгоритм, в строгий ритм ритуала. Ему, к примеру, уже сложно доказать, что только население группы восточно-европейских стран, в силу исторической судьбы оказавшееся в ареале православия, обладает доступом к абсолютной истине; при этом католики этим доступом уже не обладают, протестанты не обладают, не говоря о миллиардах азиатов. Абсурдная для нового типа постановка вопроса.

Отсюда запрос на выстраивание сложной модели обмена опытом и практиками. Иными словами, на диалог. Именно этого и будут ожидать от храма – быть не только сакральным пространством, но платформой для сложных сетевых связей, узлы которых образуются многими участниками, – с выходом в социальное пространство, широкий мир. Та дистантность, которая существует между миром священников и миром простых прихожан, окажется странным, искусственным построением. Представьте человека, пришедшего в храм в будущем: что он будет искать в его стенах? Личной коммуникации. Его типу сознания нужна будет простота, возможность прямой коммуникации, честность, искренность, лаконичность. Его сознание отсекает все лишнее, все сугубо локальное, обусловленное историческими амбициями.

Все это будет вести к запросу на понимание смысла происходящего, то есть к реформе языка богослужения и реформе структуры самой службы. Богослужение на церковно-славянском языке носит ретроспективный и элитаристский характер: смысл службы понятен только избранным. Основатель религии, проповедовавший на языке рыбаков и крестьян, покажется более весомым образцом. И если иерархично-ритуальное сознание людей старшего поколения могло принять торжественный, но малопонятный чин службы, то в языке новых поколений возникает конфликт между требованиями ясности, простоты и, с другой стороны, ускользающими смыслами древних текстов. (Этот конфликт, кстати, может быть разрешен через создание альтернатив в различных приходах.)

В новом типе мышления перестают работать догматические разграничения; они становятся частью исторического пейзажа. Исходит ли, к примеру, Дух Святой только от Отца, или от Отца и Сына – все эти различия православия с католической догматикой начинают казаться несущественным историзмом. «Разве в этом суть христианства?» – будет спрашивать молодое поколение. А значит, окажутся под сомнением основания церковных расколов и свар. Для сознания, привыкшего к зыбкости границ и барьеров, все прежние демаркационные линии окажутся устаревшими, а попытки их зафиксировать объясняться корпоративными интересами, конкуренцией административных структур за зоны влияния.

Это не означает тотального смешения религиозных типов. Социология видит, что значение масштабных социальных блоков снижается; общество стремится к самоорганизации по принципу небольших комьюнити, связанных собственной «легендой» – единством устремлений, интересов, истории, практики, символических моментов. В полицентрической среде более устойчивыми будут не монолитные конструкции, а гибкие модели со множеством подвижных адаптивных элементов, чутко реагирующих на колебания и вновь открывающих свободу для религиозного творчества (религиозные стартапы).

Индивидуальное, особенное начнет жить в таких сообществах. Религиозная сфера – это та же область социальной активности, она не может биться в одном и том же пространстве интерпретаций, должна постоянно выходить за свои пределы, вести поиск.

Факт, который кажется совершенно простым, но который очень трудно принять в рамках внутрицерковной идеологии: одни и те же люди ходят на службы, живут в городах, встречаются с женщинами/мужчинами, смотрят фильмы, делают карьеры, общаются в сети. Применять к ним нормы поведения, сформированные 500 лет назад уже бессмысленно: ограничения не будут работать, а декларация норм без возможности исполнения и контроля начнет компрометировать весь институт.

Сложности заметны уже сегодня. Церковь вынуждена что-то и осуждать, и принимать, укоризненно не одобрять, но и не слишком спорить. Грустно и молча смотреть на девальвацию постов, внебрачный секс, издержки жизни в мегаполисах и прочее, понимая, что по большому счету с этим уже ничего не поделаешь – это уже сложилось. Происходит странная игра недомолвок, оговорок, компромиссов: нельзя, но можно. Но накопление внутренних компромиссов ведет к разложению системы, если не произойдет ее радикальный апгрейд: уже на современном уровне решительное разграничение неприемлемого и допустимого.

Что при этом может обеспечивать связанность всей религиозной среды, снижать риск ее распада? В подобных структурах потенциальным ограничителем выступает корпус самых базовых и принципиальных положений и ключевые внутренние практики, которые формируют внутреннюю идентичность этой среды. Они становятся тем самым кодом распознавания «свой – чужой». Принципиально, что их не будет слишком много, что они не будут обставлены слишком сложным ритуалом. Перезагрузка – это возвращение к основе, к изначальной заданности, чтобы на этой платформе начинать новое строительство.

Ключевым интегратором религиозной сферы может стать не только догматика, но ее собственная социальная миссия, лишенная сегодня какого-то внятного и зримо практического выражения (за исключением миссии утешения). Прежний тип сознания по факту достаточно жестко разграничивает внутреннее и внешнее, но эта граница активно стирается (хотя бы через опыт виртуального). Поэтому растет значение социальной практики, действия, основа которого – поиск справедливости.

Справедливость – ключевая для России общественная ценность, которая не может быть решена только на политическом уровне. Никакая партийность не даст этой ценности развернуться, это задача для сверхинстанции. Но, чтобы взять эту тему на себя, от церкви потребуются пересмотр многих имущественных отношений, серьезная внутренняя ревизия.

Все высказанные соображения вызовут резкое неприятие внутри традиционной среды верующих. Но еще раз – мы именовали дело с беспрецедентным вызовом, адекватно ответить на который старым оружием уже не получится. Новый мир не хорош и не плох, но он другой и он – наступает. В конце концов, этот анализ – еще один повод задуматься о сути христианства. В чем его смысл: в архитектуре, традиции, яйцах и куличиках, прекрасном строе церковной службы? Или – во внутренней перековке человека, способности дотянуться до тех глубин души, куда не дотягиваются политика, искусство, мышление?

В материале использованы фрагменты экспертной дискуссии, проведенной Центром социального проектирования «Платформа».

Источник: [Forbes](#)